

ПРОЛОГ

Платформа железнодорожной компании

«Луисвилл и Нэшвилл»

Бирмингем, Алабама

29 ноября 1938, 8 часов 10 минут

Было зябкое ноябрьское утро. Четкие солнечные лучи, проникавшие сквозь огромную стеклянную крышу вокзала, падали на приехавших и убывающих пассажиров и носильщиков с багажными тележками, деловито сновавших по белому мраморному полу, точно пчелы в улье. Зал наполнился веселым гулом голосов, перемежавшихся паровозными гудками прибывающих и отправлявшихся в путь поездов.

Длинный серебристый состав из Нового Орлеана уже был готов принять бирмингемских пассажиров на 7-й платформе «Полумесяц», и мистер и миссис Артур Дж. Хорнбек, собравшиеся в Нью-Йорк за ежегодными рождественскими покупками, поспешили на посадку.

Миссис Хорнбек, обремененная шестью большими шляпными коробками, по три в каждой руке,

радостно шествовала по проходу, чиркая своим грузом по головам дремлющих пассажиров. Мистер Хорнбек с газетой под мышкой держался в пяти шагах позади.

Примерно через двенадцать с половиной минут, после того как все коробки благополучно расположились на полках, а шубка заняла место в купейном гардеробе, миссис Хорнбек смогла облегченно выдохнуть и насладиться поездкой. Она выглянула в окно как раз в тот момент, когда состав миновал железнодорожный переезд Полустанка, штат Алабама. На глаза ей попался светловолосый мальчик в линялом комбинезоне, который, стоя у путей, махал рукой проходящему поезду. Дома у миссис Хорнбек остался сынок тех же лет, и она, улыбнувшись, помахала мальчику в ответ. Заметив ее приветствие, мальчуган побежал вдоль путей, стараясь держаться вровень с вагонным окном, пока поезд не набрал ход. Миссис Хорнбек смотрела на уменьшавшиеся фигурки мальчика и его песика, пока те не скрылись из виду.

Через долгую паузу она озабоченно сказала:

— Знаешь, Артур, у малыша нет одной руки.

— Что ж, согласен, — ответил ей муж, не отрываясь от газеты.

Миссис Хорнбек вздохнула и, откинувшись на сиденье, потеряла тройную нитку жемчуга.

— Какая жалость! Ему лет семь-восемь, и он такой милый... Бедняжка... Мой кузен Чарльз лишился мизинца, а тут целая рука. Да что ж такое с ним случилось?

Супруг ее поднял голову.

— Что ты сказала?

— Я говорю, как же мальчик потерял руку? Что произошло?

Мистер Хорнбек, поднаторевший в констатации очевидного, ответил:

— Видимо, что-то случилось.

Встреча та длилась меньше минуты, но с тех пор каждый год, минуя переезд у Полустанка, миссис Хорнбек выглядывала в окно, надеясь вновь увидеть парнишку. Но его не было, и всякий раз она говорила мужу:

— Интересно, что стало с тем милым одноруким мальчиком?

— Поди знай, — отвечал мистер Хорнбек.

ШЕРИФ ГРЕЙДИ КИЛГОР

Полустанок, Алабама

24 января 1991

Семидесятилетний Грейди Килгор, медвежьего облика здоровяк с бочкообразным торсом, до 1958 года был шерифом Полустанка, а потом вместе с женой Глэдис перебрался в штат Теннесси. Нынче он и его внук приехали сюда из Нэшвилла и, стоя на путях, смотрели на противоположную сторону улицы, где некогда располагалось кафе «Полустанок». Сейчас оно, обвитое пуэрарией, было почти неразличимо.

— Вон старая почта, которой заведовала Дот Уимс, — Грейди показал на соседнее здание, — а рядом салон красоты Опал Баттс, где по субботам твоя бабушка делала себе прическу.

Озираясь, он печально подмечал разительные перемены, произошедшие с городком.

После строительства кольцевой шестиполосной автомагистрали старое двухполосное шоссе из Бирмингема в Полустанок зачахло, и здешние окрестности превратились в свалку. Вдоль путей ржавели, разваливаясь на части, старые легковушки и грузо-

вики. Повсюду пустые пивные банки и бутылки из-под виски. И горестная, прежде не виданная мета времен — россыпь наркоманских причиндалов.

Баптистская церковь, где преподобный Скроггинс читал воскресные проповеди, совсем обветшала: витражные окна разбиты, моленные скамьи вынесены и распроданы. Кое-какие старые здания уцелели, среди них дом Тредгутов, но и он дышал на ладан. Вандалы постарались от души. Грейди глянул на внука и покачал головой.

— Вспоминаю, как здесь было раньше, и от нынешнего зрелища прям воротит. Пусть не открыточный красавец, но городок всегда был чистенький. А теперь стал помойкой. Вон, дом Тредгутов весь измалеван, окна высажены. Сейчас по нему не скажешь, а ведь был самым красивым в городе. Хоть убей, я не понимаю, отчего Полустанок в таком упадке. Даже ходил слух, что город продан с потрохами, мол, дома все снесут, а на их месте построят шинный завод. — Грейди опять посмотрел через дорогу и вздохнул. — Кто бы объяснил, почему старое кафе в таком запустении. Это неправильно. Тут да ходили, как в гости к добрым друзьям. Там хозяйничали две замечательные девушки. Иджи Тредгуд и Руфь Джемисон. У них столовался весь город, все путейцы с семьями. В каждое Рождество хозяйки и повариха Сипси накрывали шикарный стол, мы угощались, открывали подарки, пели гимны...

Грейди вдруг всхлипнул. Поспешно отвернувшись, он высморкался в носовой платок и смущенно взглянул на внука.

— Извини. О господи... Зря я пустился в воспоминания, но уж больно славно было в том старом

кафе. У Руфь рос сынок, малыш Бадди. Бедняга. Лишился руки, когда был чуть старше тебя. — Грейди аккуратно сложил и спрятал платок в карман. — Хочешь верь, хочешь нет, но вот послушай. Пару лет назад мы с твоей бабушкой на Рождество поехали в Бирмингем навестить Опал Баттс. Пока женщины хлопотали с готовкой, я втихаря смотался сюда. Стоял вот на этом самом месте и вдруг услышал звуки пианино, сперва тихие-тихие, и смех, доносившиеся из кафе. Там никого не было, но, ей-богу, я слышал и музыку, и веселье. Как, по-твоему, это объяснить?

Внук потер ладошки.

— Не знаю, дедушка. Пошли, а? Я уж замерз.

Дот Уимс

Полустанок, Алабама

1935

Дот Уимс, миниатюрная дружелюбная женщина, просто любила поболтать. В молодости она подумывала о литературной карьере по примеру своего кумира Эдны Фербер¹. Но в семнадцать лет влюбилась в «мужчину своей мечты» и вышла за Уилбура Уимса.

Позже Дот частенько шутила — мол, хоть не стала знаменитой писательницей, все равно она «сочинительница». Помимо того, что шестнадцать лет единолично заведовала почтой, Дот была корреспондентом и редактором вестника местных новостей, выходившего под шапкой

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК УИМС

(НОВОСТНОЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ПОЛУСТАНКА, АЛАБАМА)

«Никаких сплетен, друзья,

только голые факты!»

1 Эдна Фербер (1885—1968) — американская писательница, сценарист и драматург.

Нынче вышел в свет свежий номер вестника, и с утра все жители поголовно с ним ознакомились.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК УИМС
(НОВОСТНОЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ПОЛУСТАНКА, АЛАБАМА)
30 ноября 1935 г.

ПОХИТИТЕЛЬ ИНДЕЙКИ

Привет, народ! Надеюсь, все хорошо отметили День благодарения. Уж Кутеру, старому псу Уилбура, жаловаться грех. Да, это его вы видели на городских улицах, когда он мчался с моей запеченной индейкой в пасти. Стоило мне отвернуться, как он слямзил ее со стола и рванул прочь, рассыпая начинку по гостиной. Уж эти мне мужчины и их собаки! Слава богу, моя соседка Нинни Тредгуд сжалилась над нами и пригласила нас с Уилбуром на праздничный обед, а то бы мы остались с носом! Кроме восхитительной индейки, приготовленной Нинни, мы угостились картофельным пирогом от Сипси, который из кафе прислала Иджи. Так что все хорошо, что хорошо кончается, как сказал мистер Шекспир. Ня-ням.

Теперь важная новость. Похоже наш город отмечился редкой археологической находкой! Где? По словам Иджи Тредгуд, прямо на наших задворках! В смысле, на заднем дворе кафе. Иджи поведала, что они с малышом Бадди копали червей для рыбалки и наткнулись (держитесь за стулья, ребята!) на зуб динозавра, которому пять миллионов лет! Находка выставлена в кафе, кто желает взглянуть — милости просим.

Хорошая новость из салона красоты: там наконец-то починили сушилку для волос; если на прошлой неделе ваш визит в салон сорвался, Отти Баттс работает сверх-

урочно и вас обслужит. Конечно, это обрадует дам, которые собираются на субботний ужин в «Клубе лосей»¹. Меня тоже.

Еще приятная новость: шериф Грейди сообщает, что и в этом году обошлось без преступлений, если не считать мелких потасовок граждан, перебравших «Старины Виски». Спасибо, Грейди.

Ваша верная писака
Дот Уимс

P. S. Напомните ребятишкам написать Санта-Клаусу. Скажите им, что до Северного полюса письма идут долго, а ему нужно время, чтобы сделать все игрушки.

За ужином Уилбур Уимс, тощий долговязый мужчина, посмеивался:

— Благодаря тебе, Дот, нынче весь город поперся в кафе, чтобы увидеть зуб динозавра.

— Знаю. Я сама там была. — Дот подложила ему картофельного пюре из кастрюльки. — Как думаешь, он настоящий?

Уилбур прихлебнул чаю со льдом.

— Зная Иджи, я сомневаюсь. Она обожает всякие розыгрыши. Помнишь ее прошлогоднюю банку с окаменевшей двухголовой лягушкой? Потом оказалось, что лягва резиновая.

— Да что ты!

— Ну да. Иджи купила ее в бирмингемской «Лавке чудес».

1 Общественный клуб; основан в 1868 г., участвует в благотворительных мероприятиях.

— Надо же! — Дот поставила перед мужем тарелку с кукурузным хлебом. — Что еще она удумает?

— Кто ее знает. Но что-нибудь потешное, уж точно.

Иджи Тредгуд

Полустанок, Алабама

КАК И ВСЕ В ГОРОДЕ, ЧЕТА УИМС ДАВНЫМ-ДАВНО знала и любила Иджи Тредгуд. Светловолосая девочка с коротко стриженными кудряшками, слишком рослая для своих лет, всегда была сорванцом. Едва научившись ходить, она играла с мальчишками и лазала по деревьям. Вечно сидела на огромной мелии, росшей в палисаднике, или на крыше дома. Мать говорила, что Иджи, умевшая залезть куда угодно, наверняка произошла от обезьяны.

Как-то раз, ей было лет шесть, она играла неподалеку от депо. Матушка ее вышла подмести крыльцо и, взглянув на проходящий пятичасовой поезд в Атланту, на крыше вагона увидела свою дочурку, махавшую ей рукой.

Конечно, с матерью, решившей, что ребенок ее вот-вот свалится и погибнет, случилась истерика. К счастью, успели послать телеграмму на следующую станцию Пелл-Сити, где Иджи, целую и невредимую, сняли с вагона. В детстве она и ее младший братишка Джулиан преклонялись перед своим старшим братом Бадди. Это он научил ее стрелять,

рыбачить, играть в футбол и бейсбол. Если ее на что-нибудь подстрекали, она это делала. Все считали ее слишком смелой для девочки.

Однажды в школе мальчишка забросил змею в женский туалет, и девчонки с диким визгом выскочили вон. Все, кроме Иджи. Она схватила змею, кинулась вслед за хулиганом, поймала его и засунула гадину ему под рубашку. Узнав об этом происшествии, преподобный Скроггинс взял за основу своей воскресной проповеди 132-й псалом: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»

Однако Иджи не слышала этих наставлений. Обычно по воскресеньям они с Бадди рыбачили — ловили сомов на реке Черный Воин.

Иджи всегда была этакой взбалмошной и неутомной, но после гибели Бадди в несчастном случае на путях пошла, что называется, вразнос. Она пропала в Ривер-клубе, хороводилось со шпаной, выпивала, играла в карты. Не слушалась никого. До тех пор, пока в Полустанке не появилась двадцатилетняя Руфь Джемисон, приехавшая преподавать в приходской школе. И тогда Иджи почему-то остепенилась. Неизвестно, что бы с ней стало, говорила ее матушка, если б не Руфь. Но когда та уехала домой в Джорджию и вышла замуж, Иджи опять слетела с катушек.

Однако через пару-тройку лет, когда Руфь ушла от мужа и вернулась в Полустанок, отец дал Иджи пятьсот долларов для начала собственного дела. Она купила кафе, в котором стала хозяйничать вместе с Руфью. Мамаша и папаша Тредгуды надеялись, что теперь-то дочь уgomонится. И она уgomонилась. Почти. Верная себе, порой Иджи совершала такое, чего делать не следовало. И о чем не ведала Руфь.